

Лев Золотайкин

СКАЗОЧНАЯ НАША ЖИЗНЬ

Юмористический сборник

Лев Золотайкин

Сказочная наша жизнь

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12191901
ISBN 9785447409470*

Аннотация

Невозможно поверить, что все то, что происходило с нами и вокруг нас, – действительность. Наша страна – выдумка, а всю нашу жизнь кто-то разыграл кому-то на потеху. Или рассказал про нас сказку. А на самом деле не было ничего: ни людей – смешных, ни страны – чудной. Нет воды в пустыне – одни миражи.

Содержание

Мемуары интеллектуального человека	5
Лакмусовая старушка	7
Дискуссионное	9
Закулисная история	11
По образу и подобию	14
Караул!	16
Муза дальних пьянствий	18
Богатая жизнь	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сказочная наша жизнь

Юмористический сборник

Лев Золотайкин

© Лев Золотайкин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Мемуары интеллектуального человека

Все помню.

Помню, 28-го числа в 12.30 ночи увидел я в тумане большую фигуру, сразу догадался и закричал:

– Здравствуйте, Владимир Владимыч! Упиваюсь вашими стихами!

– Видно не только стихами, – заглушила фигура мой крик тихим басом, исчезая в темноте и тумане во всем своем остроумном великолепии.

Помню, это был Маяковский. Такой он и стоит на площади.

Еще помню, ровно тридцать два или три года назад, в трамвае кондуктор велел гражданину без шляпы взять билет. А гражданин находчиво ответил:

– Не делайте из билета культа.

Тут вошел контролер и велел ему заплатить штраф. А гражданин опять нашелся, дескать:

– Не делайте из штрафа культа.

Потом гражданина без шляпы повели в милицию, а он весело кричал:

– Не делайте из милиции культа.

Помню, это был Ильф и Петров. Богатое у него наследие.

Все у меня на полках.

Еще помню, в пятницу обогнал меня на улице человек с трубкой и палкой. Редкая была встреча.

Помню, трубку курил Эренбург.

Помню, эта палка была у Толстого, которого, помню, звали Лев, а потом Алексей.

Кроме того, как сейчас помню, что на улице и в городском транспорте видел я сорок художников-передвижников, с пятью композиторами пил после бани, а один артист занял у меня сто рублей.

Помню, все были очень знаменитые.

До сих пор в ушах слова артиста:

– За мной не заржавеет!

Да, отчаянная была жизнь. Отважные, помню, люди.

1965 г.

Лакмусовая старушка

Наш самый криминальный писатель находится в расцвете всех сил. Он готов раскрыть любое преступление, даже если его совершит голый человек, на голом месте и голыми руками. Организм работает, значит улики остаются.

Перед вами отрывок из нового трехтомника.

«Рабочий день еще не начался, а Майор уже сидел в кабинете и смотрел в окно. Небо было чистым и Майор погладил себя по седой голове.

Из подъезда вышла Старушка, вся перекосившаяся под тяжестью сумки.

– Ценности в слабых руках – начало преступления, – четко отпечталось в профессиональной голове.

На срочной оперативке Майор был краток:

– Сюжет любого уголовного дела элементарен – преступник одолевает жертву, мы побеждаем преступника. В итоге справедливость неизбежно торжествует.

Преступник – это передатчик: взял – отдал.

Есть Старушка, есть сумка, нужно установить преступника.

– Оперативная группа на выход! – рывкнули динамики,

а в небе застрекотал вертолет.

Старушка еле тащится, а все уже под контролем.

...вот она пытается влезть на подножку трамвая...

...и не может...

...подходит Мужчина...

...протягивает руки...

Опергруппа сжалась до предела.

...берет старушку вместе с сумкой...

Опергруппа разжимается.

...сажает в трамвай...

Трах. Бах. А-а-а...

Помятая Старушка уезжает, обнимая сумку. Помятый Мужчина продолжает свой путь.

– Так я и знал, что он не виноват, – подытожил Майор и погладил себя по еще более седой голове.

1965 г.

Дискуссионное

Газета напечатала письмо:

«Я Вова. Мне 5 лет. Два года я бью Таню Агафонову за то, что хотел с ней дружить, а она показала мне язык. Я больше не верю в добро. Как жить дальше?»

Где-то неправильно бьют девочку!

Разочарован мальчик!

Всколыхнулось все в стране.

Волнуются колхозники. Радируют моряки танкера «Неугасимый». В смятении интеллигенция.

– Веры нет... нету веры... нету... нету...

– Опять на пять лет опоздали с духовностью.

– Выпороть мерзавца!

А права ли Таня?

– Нужно откровенно сказать о женском...

– Выпороть мерзавку.

«Я тоже всегда бью девчонок, потому что они от этого плачут. Ты молодец, Вовка! Я знаю, что мое письмо не напечатают. Коська Н.».

– Твое письмо напечатано, Костя. Мы за широту мнений. Пульс жизни в руках общества.

1965 г.

Закулисная история

Старый лев снюхался с дрессировщиком. И, чувствуя за собой звериную силу, человек обнаглел и обленился. На глазах всей публики он таскал львов за хвосты и ходил по ним ногами. А на репетициях дрессировщик не объяснял сверхзадачу и сквозное действие, а просто орал:

– Я вам, котяры, инстинкты вправлю! Намотайте себе на усы: те, кто не будет стоять на задних лапах и плясать под мою дудку, узнают почем фунт мяса...

Тем временем старый лев сидел в клетке со всеми удобствами, держал в лапах баранью ногу и позировал для фильма «Львиная доля». В его голове сладко ворочались условные рефлексy. И все что-то про славу и большие мясные гонорары.

Каждый вечер львы выбегали на арену и демонстрировали свое непротивление издевательствам. Старый лев рывкал на сородичей и ему аплодировали за сознательность, потом он рывкал на дрессировщика и тот срывал аплодисменты за отвагу и мужество.

Потом в цирке гас свет, и львы в тесных клетках роняли головы на лапы. Им снилась свобода и крики: «Браво!»

Но однажды терпение зверей лопнуло.

– Мы не растем, – начали молодые львы, – зачем мы в город ехали!

– Ррры, – подхватила красивая львица, – кругом творческая жизнь кипит. Вон собаки в бантах, медведи за рулем сидят, а у нас даже гигиену не соблюдают: я у шефа кусок мяса должна с потного лица слизывать. И чего он потеет? Он же совершенно не в моем вкусе.

Львы загалдели:

– Нас дешево ценят!

– ... если ты собака, то ты – друг человека, а если ты лев, то гонят за решетку.

– Наши предки гладиаторами объедались, а тут костями попрекают.

От шума проснулся старый лев.

– Спать, щенята, – замахнулся он по привычке лапой и показал зубы. Но против его стертой челюсти раскрылись пасти с зубами, как у ковша экскаватора. Старик все понял, сник и выкатил слезу.

– Дармоед!.. Лизоблюд!.. Доносчик!.. – рычал коллектив. В клетку вбежал дрессировщик.

– О чем сборище? Па-ачему звериные крики? – Хлопнул он кнутом и стрельнул из пугача. «Куси их!», – велел он старому льву, но тот отвернулся, а львица села у входа и облизнулась. Дрессировщик упал на колени.

Долго рывкали львы ему свои обиды и, наконец, присудили его к выполнению всей программы. Кряхтя и загораживая лицо, пролез он сквозь огненный круг, упал, прыгая с тумбы на тумбу, зубами выбрал из гривы льва рассыпанный

там бефстроганов, а один молоденький лев попытался сунуть ему в рот свою голову, и хотя вошло только ухо, от шерсти он еле отплевался.

Обессиленный, с обгоревшими бровями дрессировщик прилег у решетки, но львица щелкнула его хвостом, дескать. «Стоять! На арене артист должен быть неутомим и весел».

А львы выступили с триумфальной программой. Они показали все свои способности: прыжки в длину, поднятие тяжестей зубами, борьбу и захваты, громовой рык и царственную поступь.

– Ах – ах – ах!!! – восхищались зрители.

Старый же лев кое-как устроился в провинциальный зоопарк и то клетку ему дали не отдельную, а напополам с собачкой Тобиком.

А дрессировщик остался в труппе. Он трудолюбиво готовит реквизит, ворочает тумбы и в награду получает сахар. И публика ему аплодирует за то, что сумел стать человеком и поборол скотские привычки.

1966 г.

По образу и подобию

Спасаясь от людского несовершенства, многие роботы бежали в леса. Они начали новую жизнь.

Каждый вечер у заправочного ларька собиралась кучка устаревших. Стояли ржавые и дырявые.

– Я керосин еще на гарантийке начал пить.

– А я знаю коктейль: бензин, бензол и чуточку серной кислоты. Трахнешь стакан – искры из шарниров и дым в предохранителях.

– Еще стопочку солярочки!

– Залейтесь, окаянные.

Старые роботы, исполосованные сварными швами сидели на лавочках и, растираясь маслами, скрипели.

– Ишь на свидание поперся. Начистил рожу наждаком и думает – блестящий. А в голове-то программа на два слова, да на одно действие.

– ... развратник, на третью жену рекламацию написал. Кричит – бракованная.

– А самому Знак Качества по благу выбили.

– Опять этот облезлый потащил кусок железа. Любви, говорит, нет, сам сына сделаю.

Две роботы встретились и весело заблестели всеми лампочками:

- Какая на тебе чудная эмаль...
- ... и совсем не шелушится...
- ... такой ужас: она вышла за опытный образец, а его не утвердили. Он уже совсем неуправляемый, бегают за ней и за автором, а из самого гайки сыпятся...
- А мой такой серийный, я его иногда путаю. А вчера разозлилась и молотком отметила, теперь ночью могу хоть на ощупь определить.
- Смотри, какой никелированный!
- ... и говорят масса запасных частей.

- Куда его везут?
- Под пресс.
- ?!
- Утверждает, что мы произошли от человека.
- Еретик.

Наивные роботы.

Нельзя строить новую жизнь в старых лесах.

1967 г.

Караул!

У автора отбился от рук герой. Вконец озверел и расхулиганился. Правда, Мишка Пенек и задуман был бандитом, но не до такой же степени. Остальные персонажи робко выходили из-под пера, гадая сколько глав им осталось прожить.

Появилась было девушка. Красивая, нежная, хрустальная душа, тоненькие ножки. Чистота. Идеалы. Ее бы лелеять, а Пенек подошел к ней утилитарно: схватил, опошил, бросил. Хрупкая жизнь вдребезги.

И некому заступиться, если с первых строк известно, что его плечищи не помещаются на двуспальной кровати.

Десять страниц заседал местком. Стыдили, хотели взять слово, а он слово не дал, о голову наставника разбил графин, у добряка председателя вырвал полбороды.

Вышел Мишка на улицу и маленького очкарика, подававшего большие надежды, вообще лишил будущего, заволок его в угол, правой рукой дал по голове, левой – снял пиджак, потом по голове бил левой рукой, а правой снимал все остальное. Сослуживцы очкарика две недели плакали по коридорам.

Приютил Пенька один дед, хотел усыновить и сразу помер. Старуху Мишка обворовал. Пошла калека по миру.

Тут уж и автор понял, что хватит. Густой ночью, в прохладе и безмолвии Пенька остановили два квадратных громаилы.

Взвинченный Мишкиным беспределом, автор скрипел зубами, ломал перья и бил по герою толстыми восклицательными знаками:

– Похлеще его, мужики! Вот я тебе, рыжий, кулаки пудовые сочиню, а ты его в глаз! Хрясь! А теперь под дых! Хык! Кончай, ребята, вышибай остальные зубы! И упревший автор вывел отяжелевшей рукой: «Конец первой книги».

– Обязательно читатель вторую захочет. Очень забористо получилось.

Неизвестно, что было с читателем, но автор вторую захотел. Сел за стол. Позевал. Встал.

Совершенно не писалось. Без Мишки фантазия остановилась.

И тогда врачи в несколько строк вернули Пенька к жизни. Короткий отдых и первого подвернувшегося чудака безутешные родственники повезли с венками и музыкой.

Страницы замелькали без помарок.

И вот уже на каждого мирного читателя приходится по пять-шесть литературных бандитов.

А сколько их безобразничает на сцене!

А на экране!

Караул!!!

1968 г.

Муза дальних пьянствий

Выходной в пивной был тривиальным. Толкались, пили, орали.

Тот же подвал, надоевший переулок. Даже погода всегда плохая, потому что лужа у порога не высыхает.

– Эх, путешествий бы, – брякнул вдруг Гришка.

– Во-во, приключений, – загоготал Тишка.

А хмурый Дормидонт скovyрнул мизинцем пробку, разлил по стаканам и продолжил разговор:

– Э-ка. Ну-ка. Х-хы. Вот.

Слетела еще пара пробок...

– За мной следят, – сказал Гришка и растоптал в луже свое отражение.

Тишка проткнул носом асфальт.

А Дормидонт облапил фонарный столб, согнул его и передавил все лампочки.

Но в следующий выходной жизнь как-бы перевернулась. Искатели приключений оказались на вокзальной площади и остолбенели.

Это была не площадь, а стартовая площадка куда-то туда, в дали. Казалось, весь народ проснулся, собрался и двинул. Толпы землепроходцев с приросшими к спинам рюкзаками решительно бросали окурки и скрывались в электрич-

ках. На широких поясах висели ножи, топоры и вообще все необходимое. Пронесли даже бензопилу и отбойный молоток.

— Пока, друзья, не поминайте лихом, поднимаем паруса! — пела вся площадь.

— Отдать концы! — заорал усатый железнодорожный волк. И, подгоняемые ветром, электрички исчезали за горизонтом.

Гришка взволновано засопел.

У Тишки блеснул не подбитый глаз.

Даже Дормидонт одобрительно промолчал.

И все трое решительно прыгнули в вагон.

А там бушевала романтика, гремели смех и песни.

...на Венере, ах, на Венере
у деревьев синие листья... —

трепетала струна.

Мужественные парни с закатанными на бицепсы рукавами, в шляпах и ботфортах бились на огромной сковороде в подкидного дурака. Ветер влетал в окна, хлестал в лицо и рвал волосы. Тени великих авантюристов и первооткрывателей носились по вагонам. Даже ненароком затесавшийся поп был красноносый и бородатый, как геолог.

Хотелось в неизведанное. Туда, где дыбились мамонты,

еще не сложившие костей в музеях, бегали лошади, не знавшие Прожевальского, а собаки и люди гавкали друг на друга, не понимая, что они друзья.

Хотелось в девственную природу, в хвощи. Встать бы на задние лапы, оторвать себе хвост и ухнуть дубиной по длинным шеям ящеров. А потом добыть огонь и пробиваться с ним навстречу нынешним дням, яростно мысля и стирая все белые пятна.

Эх!

Гришка запел неизвестно откуда появившуюся во рту песню об Антарктике – Атлантике.

Тишка вдруг обнаружил на груди тельняшку, надутую ураганом, и серьгу в ухе.

Даже Дормидонт всхрапнул, как боевой конь от свиста ядра, начал бить копытами и рваться в схватку. «Главное ввязаться», – услышал он откуда-то изнутри.

Но тут поезд остановился, толпа высыпала из вагонов и углубилась в лес. Возбужденные до электрических разрядов, туда же вбежали трое друзей.

– Мужики! Мы готовы! Что отвоевывать? Что поворачивать вспять?

А мужики уже все сделали. На свежесрубленных кострах варилась консервированная уха, дымились шашлыки из домашних животных, пахло луком и вообще кухней. Меж костров, как меж столов, ходил парень до того похожий на офи-

цианта, что ему давали «на чай». В тонкой лесной тишине раздался щекочущий смех, и звякнули кружки.

Вздрогнул Гришка.

Опомнился Тишка.

А Дормидонт шагнул в кусты и вышел с бутылкой.

– Э-ка. Ну-ка. Х-хы.

– В-ва! – крикнули у всех костров. И хрупнули в молодых зубах малосольные огурцы.

Стонал утром помятый Гришка.

Кряхтел опухший Тишка.

А Дормидонт собрал посуду и повел всех проторенной дорогой.

...из п-о-о лей

Доносится: «Налей!»

пела очередь у магазина, так близко и без хлопот.

Взволновано засопел Гришка.

Блеснула слеза в глазу у Тишки.

И молчаливо пел Дормидонт.

«Не смешивайте романтизм с пьянством», – предупреждали еще древние мудрецы.

«На абордаж нужно идти трезвым», – вторили им такие же древние пираты.

1968 z.

Богатая жизнь

Вечерами внуки забирались к деду на колени.

– Дедушка, голубчик, – маленькие ручонки путались в бороде, – Расскажи про свои путешествия.

Дед гладил шелковистые головки.

– Ишь, пострелята, интересуется, кхе-кхе...

Из глаз сочилась и исчезала в морщинах умиленная слеза.

– Да-а, много дорог пройдено, много найдено и собрано. Есть на что оглянуться. Каждая вещь – история.

Дед оживился и помолодел.

– Дошел раз слух – мастер есть. Уди-ви-тель-но по дереву работает. Но живет прямо за тридевять земель. А время-то какое было: разруха, бездорожье, брат на брата шел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.